

Журналистика. 30 лет спустя

Ирина Петровская

Крошка сын к отцу пришел, и спросила кроха... Рано или поздно подросшие крошки начинают задавать отцам неудобные вопросы: что это было? Почему молчали? Почему вольно или невольно соучаствовали? Почему не сопротивлялись и не боролись с очевидным злом? «Спрашивает мальчик: почему? Двести раз и триста: почему?.. Вы их не пугайте, не отваживайте, спрашивайте мальчики, спрашивайте!» – пел Александр Галич.

Сергей Горяшко, журналист «Русской службы» ВВС, пришел к «отцам» с таким вот насущным вопросом: «Почему в 1991 году журналисты победили и смогли защитить профессию, которую гэкачеписты хотели запретить, а потом проиграли?» К 30-летию ГКЧП он снял фильм «Запрещенная профессия»: как журналисты победили, а потом проиграли». В год путча Горяшко еще не родился. Журналистикой начал заниматься в 2010-х, когда с профессией уже все обстояло неважно, но все же о запрете на профессию всерьез речи не было.

Сегодня бывший коллега Горяшко по газете «Коммерсантъ» Иван Сафронов сидит в изоляторе «Лефортово». Больше десятка журналистов признаны «иноагентами», а некоторые независимые СМИ – нежелательными организациями. Около сотни журналистов вынуждены были покинуть страну. Сергей Горяшко убежден:

«Эта проблема касается не только сотрудников СМИ. Журналисты теряют работу и зарплату, а общество – фундаментальные права: знать и получать информацию».

Герои его фильма, звезды журналистики 90-х–2000-х, пытаются найти ответ на вопрос младшего коллеги: «Почему все так хорошо начиналось и так плохо закончилось?»

Павел Лобков в то время только начинал карьеру на Ленинградском телевидении. Александр Любимов вел «Взгляд» и был депутатом Верховного совета России. Сергей Корзун основал радиостанцию «Эхо Москвы». Андрей Васильев сотрудничал с недавно созданным «Коммерсантом», который потом и возглавил. Михаил Бергер, будущий главный редактор газеты «Сегодня», был обозревателем газеты «Известия». Андрей Константинов пришел в ленинградскую молодежную газету «Смена» за несколько месяцев до путча. Татьяна Малкина работала в «Независимой газете».

Именно она на пресс-конференции членов ГКЧП в первый день путча задала вопрос, обескураживший и без того не слишком уверенных в себе заговорщиков: «Понимаете ли вы, что сегодня ночью совершили государственный переворот?» Пресс-конференцию в прямом эфире транслировало Центральное телевидение, и операторы специально укрупняли трясущиеся руки Янаева, так что многим стало в тот момент ясно – ГКЧП безнадежен. Нынешним молодым журналистам трудно представить, что корреспондент «Независимой» Малкина попала на пресс-конференцию, предъявив всего лишь журналистское удостоверение. Никаких специальных аккредитаций, никакого согласования вопросов. Пришла. Посидела. Послушала. Возмутилась сервильными вопросами иных коллег. Что захотела, то и спросила.

Теперь она считает свой вопрос в форме утверждения плохим, непрофессиональным. Но другие ее коллеги по-прежнему убеждены: это было круто. С ним Малкина и вошла в историю – вместе с «Лебединым озером», невольно ставшим символом переворота. Невольно, поскольку бессмертное творение Чайковского было запланировано к показу как раз 19 августа, о чем

свидетельствует программа передач, напечатанная в газетах за неделю до путча. Просто так совпало, а лебеди оказались без вины виноватыми и с тех пор ассоциируются у россиян именно с государственными потрясениями.

То же телевидение, которое еще на рассвете 19 августа было взято под усиленный контроль военных, в первый день путча отправило к Белому дому корреспондента программы «Время» Сергея Медведева, снявшего все, что происходило около его стен: строительство баррикад, стихийно формирующиеся отряды обороны, прибывающих туда протестующих, жителей окрестных домов, приносящих к Белому дому бутерброды и термосы с горячим чаем. Репортаж Медведева был вопреки всему показан в вечерней программе «Время», после чего к Белому дому поехали люди, до того деморализованные происходящим и не представлявшие, что делать и как противостоять попытке повернуть ход истории вспять. Это сегодня картинки с места любого события транслируются в интернете в режиме онлайн. А 30 лет назад государственное ТВ (другого-то и не было) было единственным источником визуальной информации. Независимое радио («Эхо Москвы», «Свобода»*) внесло свою лепту в организацию сопротивления.

Закрытые гэкачепистами газеты объединились в выпусках «Общей газеты», не закрытые ГКЧП «Известия» на свой страх и риск напечатали обращение Ельцина, а когда спустя три дня все закончилось, добились увольнения поддержавшего ГКЧП главного редактора и вскоре избрали своего – Игоря Голембиовского. Победа. Свобода. Эйфория победителей.

Что же случилось потом? Почему победители оказались побежденными? На волнующий Сергея Горяшко вопрос его герои отвечают по-разному. Павел Лобков считает, что журналисты сами преопределили свою судьбу, когда в 1996 году «добровольно легли под предвыборную кампанию Ельцина. Единожды солгав – кто тебе поверит? Люди журналистам этого не простили... По частям мы позволяли откусывать свой хвост, и, по сути, без него и остались». С ним солидарен Сергей Корзун: «Прессинг по

отношению к власти – одна из важнейших функций журналистики. Но когда журналисты легли под ельцинскую команду в 96-м, это был гвоздь в крышку гроба».

Андрей Васильев констатирует: «Журналистика превратилась в обслуживающий персонал – в официанта, бармена, уборщицу... Нет общественного контроля над властью.

Да и общества-то нет как такового». Александр Любимов винит в произошедшем большие деньги, пришедшие в 90-х в журналистику, особенно на ТВ, и неспособность многих коллег противостоять искушению достатком в ущерб истине и репутации. «Много злого сделала пресса, – уверен Андрей Константинов. – Судьбы человеческие ломала».

«В потребительскую корзину российского человека запрос на независимую информацию и свободу слова так и не вошел», – подводит печальный итог Михаил Бергер.

«Мы все проср..ли», – признает Татьяна Малкина, «девушка русской демократии», как подшучивали над ней друзья и коллеги после судьбоносной пресс-конференции 91-го. И добавляет, отвечая на последний вопрос Сергея Горяшко, стоит ли сегодня молодым идти в журналистику: «Как можно сейчас идти учиться журналистике? Чтобы что?»

Есть разные варианты судьбы. Можно, как Сергей Горяшко, искать ответы на мучающие журналиста вопросы. Можно, как признанная «иностранным агентом» молодая журналистка Соня Гройсман, давшая интервью «Дождю», пытаться удержаться на плаву и, получив фактически запрет на профессию, организовать подкаст «Привет, я «иноагент»!» – с советами коллегам, потенциальным «иноагентам», как приспособиться к новой реальности.

А можно, как звезда российского ТВ Наиля Аскер-заде, снимать идеологически правильный фильм «ГКЧП. 30 лет спустя», предоставляя слово тем участникам событий, которые уверяют, что на самом деле ГКЧП был последней отчаянной попыткой спасти Советский Союз, а в его (СССР) уничтожении виноваты, прежде всего, Горбачев и Ельцин. Россия, как известно, великая страна

с непредсказуемым прошлым. Но мы-то, «старые мастера культуры», еще живы – вот в чем проблема. Впрочем, это наша проблема.

**) Теперь (но не тогда!) «Радио свобода» признано в нашей стране «иноагентом».*

Ирина Петровская

